

КОНЦЕПТ «ОСТРОЙ СИЛЫ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Е. А. Волкова, Л. В. Лукина

Воронежский государственный технический университет

Ю. И. Лаптева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается развитие «тактильной метафоры», используемой для описания внешнеполитических стратегий государств. Авторы анализируют понятие *sharp power*, в различных источниках переводимое и как «острая», и как «резкая» сила, и приходят к выводу о том, что сложившаяся практика его использования говорит о значительно большей, по сравнению с концептом «мягкой силы», идеологизации и политической ангажированности.

Ключевые слова: «мягкая сила», «острая сила», авторитарный ренессанс, демократическая рецессия.

Abstract: *this paper examines development of a «tactile metaphor» used to characterize the state's foreign policy strategies. The author analyzes the concept of «sharp power» and concludes that the prevailing practice of its use testifies much greater ideologization of the term, compared with the concept of «soft power».*

Key words: *soft power, sharp power, authoritarian resurgence, democratic recession.*

Сформулированный Дж. Наем концепт «мягкой силы» с момента своего появления в начале 1990-х гг. приобрел широкую популярность. Воспринятый исследователями и политиками, он стал частью дискурса о власти, выйдя за пределы сферы международных отношений. При этом вопрос о том, следует ли считать введенное исследователем понятие научным термином, остается дискуссионным и обсуждается исследователями в разных странах [1]. Также дискуссионным является вопрос об уточнении его содержания, причем зачастую источником разногласий является характер использования концепта в языке практической политики, т. е. его идеологизация [2, с. 15].

В настоящее время происходит дальнейшее развитие «тактильной метафоры», используемой для описания внешнеполитических стратегий государств. Появившееся относительно недавно понятие *sharp power*, в различных источниках переводимое и как «острая», и как «резкая» сила, уже привлекает внимание исследователей [3]. Если концепт «мягкой силы» вызывал критику как противоречивый, то новое понятие также побуждает многочисленные споры: вызывает сомнение и его применимость в качестве аналитической категории, и его политическая ангажированность.

Описание «острой силы» впервые появилось в конце 2017 г. в докладе Национального фонда в поддержку демократии [4], учрежденного Конгрессом Соединенных Штатов. Сам фонд может рассматриваться как один из институтов, на которые опирается «мягкая сила» США, в то же время его деятельность неоднократно оказывалась в центре противоречий и конфликтов, связанных с дискуссиями о пределах влияния международных и иностранных институтов в отдельных государствах, в том числе в нашей стране. Кристофер Уолкер и Джессика Людвиг, авторы доклада, материалы которого впоследствии были отражены в СМИ [5] и научных журналах [6], утверждают, что активность автократий, подобных Китаю и России, направленную на увеличение международного влияния, нельзя описать, используя дихотомию «мягкой» и «жесткой» силы. Концепт «умной силы», основанной на продуманном сочетании «мягких» и «жестких» методов, также не удовлетворяет их задаче. Вместо этого они вводят понятие «острой силы», обосновывая новизну данной тактики и актуальность исходящей от ее применения угрозы.

Кристофер Уолкер констатирует, что в современном мире происходит возрождение авторитаризма. Этот процесс он описывает как одну из определяющих тенденций глобального развития. Авторитарные режимы, по его мнению, начинают оказывать форми-

рующее воздействие на мировую политику. К. Уолкер связывает рост авторитарных тенденций с политическими процессами в таких государствах, как Венгрия, Турция, Филиппины, а наиболее влиятельными авторитарными режимами называет КНР и Россию. Их внешнеполитические цели автор напрямую связывает с намерениями навредить свободе и демократии [Ibid., p. 10], соперничая с самими демократическими принципами и стандартами.

К. Уолкер, как и другие авторы, пишущие об «острой силе», часто подчеркивают, что состояние «конца истории», т. е. торжества либерализма, так и не установилось, и сегодня мы имеем дело с возвращением истории и с подъемом авторитаризма в мире [7]. С основными движущими силами этого тревожащего западных экспертов и политиков процесса чаще всего ассоциируются набирающий силу Китай, потерявшая статус супердержавы, но от этого не менее опасная Россия [8] и Иран. Последний при этом в большей степени соответствует классическим представлениям об авторитарной угрозе – как стопроцентный антипод свободы и демократии.

Интересно, что, описывая консолидацию недемократических режимов современности, Уолкер использует отсылки к тоталитарному прошлому, например, приводя высказывания, приписываемые Сталину. Таким образом, он актуализирует угрозу современного авторитаризма в глазах своих читателей. Также, призывая западные демократии всерьез воспринять угрозу авторитаризма, он проводит параллели с межвоенным периодом, когда во многих странах демократические ценности потерпели поражение в борьбе идей [6, p. 19].

При этом в условиях глобализации демократиям гораздо труднее противостоять этому процессу, поскольку в руках автократий находятся разнообразные рычаги непрямого влияния на открытые общества, позволяющие, не вступая в прямую конфронтацию, «проникать и разрушать» демократии изнутри, воздействуя на их общественную и политическую жизнь, образование, культуру и медиа [Ibid., p. 10]. Сама принципиальная открытость демократий, крушение идеологических барьеров времен холодной войны, а также возможности информационных технологий создают новую уязвимость, охотно используемую авторитарными режимами. Кроме того, после окончания холодной войны автократии оказались в более выгодных условиях, поскольку включились в глобальную экономику, при этом отнюдь не разделяя либеральные ценности. Экономическая сфера, таким образом, с точки зрения Уолкера, также оказалась полем для распространения влияния автократий [Ibid., p. 11].

Двумя годами ранее [9] Уолкер уже писал о том, что актуальность авторитарной угрозы связана именно с использованием средств, обычно объединяемых

концептом «мягкой силы» (средства массовой информации, образовательные, исследовательские и культурные программы и проекты и другие средства влияния на общественное мнение), в целях противодействия распространению демократической модели развития. При этом появление концепта и самого феномена «мягкой силы» он связывает с окончанием холодной войны. Для использования инструментов, обычно ассоциирующихся с понятием «мягкой силы», автократиями, К. Уолкер и предложил новое название – «sharp power».

Сегодня данный концепт используется для того, чтобы подчеркнуть происходящее насильственное нарушение нормальной работы института или системы в результате направленного и спланированного, рассчитанного точечного воздействия внешней силы. В качестве примера Уолкер приводит вмешательство России в электоральные процессы в западных демократиях, а также вмешательство КНР в политику Австралии и Новой Зеландии. Помимо политической сферы объектом воздействия «острой силы» становятся традиционные для «мягкой силы» поля: культура, образование, СМИ. Именно в комплексном воздействии на политическую и неполитическую сферы жизни демократических обществ Уолкер видит специфику представляемой «острой силой» угрозы.

Другая специфическая особенность заключается в преобладании манипулятивных технологий, используемых для подрыва ценностного консенсуса, составляющего основу демократии [Ibid., p. 12]. Объектом воздействия становится гражданское общество: автократии создают структуры и институты, которые, мимикрируя под характерные для демократий гражданские инициативы, встраиваются в открытые системы и целенаправленно работают над созданием привлекательного имиджа того или иного авторитарного режима, старательно камуфлируя его репрессивный и враждебный характер. В отличие от подлинно демократических гражданских инициатив, эти структуры зависят от государства, направляются им, а их действия являются частью продуманной долгосрочной политики. Используемые Уолкером характеристики методов, относимых им к арсеналу «острой силы», имеют достаточно яркую эмоциональную окраску¹. Методы воздействия характеризуются как изощренные и бесчестные, также подчеркивается, что воздействие «острой силы» особенно опасно тем, что вынуждает институты демократических обществ значительно отступать от демократических стандартов, например, прибегать к самоцензуре под давлением авторитарных государств и связанных с ними структур, заинтересованных в том,

¹ E.g. «Sharp power may also employ the nefarious arts of distraction» [Ibid., p. 13].

чтобы обеспечить избирательность информации на систематической основе.

Уолкер подчеркивает значение такого фактора эффективности «острой силы», как различие между открытыми и закрытыми системами. Именно открытость позволяет автократиям вторгаться в информационное пространство демократий, используя легальные по форме, но далекие от соответствия демократическим стандартам методы. Такое сочетание легальных методов и враждебных намерений позволяет характеризовать «острую силу» как отличную и от «мягкой», и от «жесткой» одновременно и рассматривать ее как самостоятельное явление.

В связи с этим различием Уолкер предлагает отойти от определения мягкой силы как любой неволевой, непринудительной силы, уточняя, что отнюдь не любые усилия по формированию позитивного имиджа можно отнести к этой категории. Он подчеркивает, что у автократий недостаточно ресурсов для того, чтобы реализовывать политику «мягкой силы», выглядеть привлекательными они могут лишь в свете тщательно отобранной информации, искажающей реальное положение дел. Кроме того, по своей природе «мягкая сила» создается при активном участии независимого от государства гражданского общества, отсутствующего в автократиях. Тем не менее, не противопоставляя «острую силу» «мягкой» в качестве полной ее противоположности, Уолкер указывает на то, что автократии, хотя и в ограниченных масштабах, могут прибегать к «мягкой силе».

Описывая ситуацию «авторитарного ренессанса», К. Уолкер ссылается на тезис одного из ведущих транзитологов Л. Даймонда о происходящей «рецессии демократии», выдвинутый им в работе 2008 г. С точки зрения Л. Даймонда, последовавшая за третьей волной демократизации «рецессия» выражается в ряде взаимосвязанных процессов [10].

Первая группа процессов – это срывы и стагнация демократического транзита (например, к этой категории процессов он относит срыв демократизации в России, усиление неопатримониальных тенденций в Турции и Аргентине, деградацию демократических институтов, недавно сформировавшихся в ряде африканских стран).

Второй тип процессов – дестабилизация демократии в ряде стран, которые Даймонд называет колеблющимися и стратегически важными – the Strategic Swing States (в силу значительной численности населения или же благодаря достигнутому уровню демократического развития). Интересно, что наряду с Россией, Турцией, Индией, Бразилией, Мексикой, Южной Кореей Даймонд относит к данной группе и Украину с оговоркой, что, не являясь крупной экономикой и не отличаясь значительной численностью населения, это государство обладает исклю-

чительной стратегической важностью [Ibid., p. 150]. Существующие в этих странах режимы могут быть отнесены к различным группам: либеральным или электоральным демократиям, а также к недемократическому типу. Но из двадцати семи отнесенных к стратегически важным колеблющимся странам в двадцати пяти Даймонд констатирует сокращение степени свободы (определяемое им на основании подхода, применяемого в рейтингах Freedom house).

Третий тип процессов демократической рецессии Даймонд называет возрождением авторитаризма, говоря, прежде всего, о России и Китае. При этом он подчеркивает целенаправленное использование укрепившимися автократиями инструментов «мягкой силы». В этом процессе автор видит формирование неких общих подходов, выражающихся в криминализации получения международной финансовой и технической поддержки продемократическими неправительственными организациями, создании псевдо-НКО для продвижения интересов автократии в национальном и международном масштабе, в ограничении свободы в Интернете и использовании киберпространства для контроля над обществом [Ibid., p. 152].

Четвертый тип процессов, связанных с рецессией демократии, происходит в «старых демократиях». Среди признаков демократической рецессии, затрагивающих эти страны, Даймонд выделяет внутренние и внешние. Внутренние связаны с дисфункциями в сферах демократического правления, такими как снижение темпов разработки и принятия законопроектов, затруднения при принятии бюджета, снижение доверия к правительству, сокращение явки на выборы при растущей стоимости избирательных кампаний и уменьшении прозрачности их финансирования. Эти негативные явления Даймонд иллюстрирует примерами из политической жизни США. Внешние проявления исследователь связывает со снижением способности «старых демократий» (прежде всего, речь идет также о США) продвигать демократию за рубежом. Автократии во всем мире ощущают эту слабость и используют ее для укрепления собственного влияния. Признавая, что внешний фактор был одним из ключевых в процессах демократизации «третьей волны», Л. Даймонд выражает обеспокоенность отмеченными тенденциями.

Говоря о важности внешнего фактора в процессах демократизации, рассуждая о роли выстраиваемых с помощью инструментов «мягкой силы» связей, можно также сослаться на мнение авторов фундаментальной работы, посвященной электоральному авторитаризму, С. Левитски и Л. Уэя [11]. Они определяют соревновательный авторитаризм как гражданский режим, в котором существующие формально демократические институты не являются демократически-

ми, поскольку поле политической игры искажено в пользу инкубебентов [Ibid., p. 5]; связывают генезис этого типа режимов с окончанием холодной войны, изменившим внешнеполитическую среду существования авторитаризма. Поэтому среди факторов становления электорального авторитаризма С. Левитски и Л. Уэй особенно выделяют интенсивность политических, экономических, социальных, информационных и дипломатических связей с западными странами, чувствительность режима к демократическому давлению Запада и степень близости структур правящей партии и органов государственного управления. Связь между этими тремя факторами такова, что интенсивность связей с западными демократиями имеет решающий характер: если она достаточна, то режим с высокой степенью вероятности переживет успешную демократизацию. Если же она недостаточно высока, то решающее значение для динамики электорального авторитаризма будут иметь внутриполитические факторы.

Интересно, что Л. Даймонд не склонен связывать наблюдаемую с 2005 г. рецессию демократии с очередным «откатом», следующим за каждой волной демократизации [10, p. 153]. Он констатирует то, что автократии в современном мире также сталкиваются с многочисленными вызовами, а процессы экономического развития и информационная революция способствуют глобальной трансформации ценностей в направлении индивидуализма и рациональности, поэтому на перспективы демократии стоит смотреть скорее оптимистично [12]. Подход Даймонда также не выстраивает причинно-следственной связи между кризисом демократических институтов, наблюдаемым как в молодых, так и в консолидированных демократиях, и активизацией подрывных усилий ведущих автократий. Скорее он говорит о растущей взаимозависимости в современном мире, в котором различные политические режимы, реагируя на новые вызовы в соответствии со своими особенностями, продуцируют дополнительные факторы, воздействующие на процессы демократизации в глобальном масштабе. В то же время сторонники концепции «острой силы» в качестве основного источника проблем в старых демократиях часто указывают на внешнее целенаправленное вредоносное воздействие ведущих авторитарных режимов. Исходя из этой предпосылки, они формулируют рекомендации по противодействию «острой силе» автократий, которые неожиданно вырвались вперед в соревновании идей и имиджей, удачно используя уязвимости открытых режимов.

Эффективное противостояние «острой силе» автократий может быть организовано на основе комплексной долгосрочной стратегии, в рамках которой будут объединены усилия демократических прави-

тельств и институтов гражданского общества. Прежде всего, с точки зрения К. Уолкера, необходимо выявлять и разоблачать используемые автократиями приемы, ни в коем случае не замалчивая отдельные попытки воздействия. Каждая из них должна встречать противодействие со стороны прессы, общественности и правительства. Также необходимо направить усилия на распространение объективной информации о положении дел в автократических государствах, противоречащей селективной и искаженной информации, распространяемой по контролируемым каналам. Особенное внимание следует обратить на те информационные рынки, где автократии стремятся укрепить свое влияние, например, в Африке и Латинской Америке. Самым же главным условием эффективного противодействия «острой силе» Уолкер считает неукоснительное следование принципам открытости и конкурентности, которое должно остаться неизменным преимуществом демократий перед лицом трансформированной авторитарной угрозы. Сторонники концепта «острой силы» исходят из того, что взаимозависимость и интеграция постбиполярного мира расширяют сферы соприкосновения между демократиями и автократиями, при этом конкуренция между ними не ограничивается борьбой за рынки, она продолжает развиваться в политическом поле, оставаясь борьбой идей и моделей развития общества.

Дж. Най как автор концепта «мягкой силы», реагируя на появление нового термина, также неоднократно писал о правомерности его использования [13; 14]. При этом он указывал на важность проведения четкой границы между двумя тактиками и на выбор различных способов реагирования на них. По его мнению, если «мягкая сила», также находящаяся в арсенале автократий, может способствовать росту взаимопонимания и разрешению конфликтных ситуаций с нулевой или же с положительной суммой, то применение «острой силы», основанной на намеренной дезинформации, должно встречать решительный отпор со стороны демократического сообщества. Проблема заключается именно в том, чтобы различать убеждение и пропагандистское манипулирование информацией, легитимные требования и давление. С точки зрения Дж. Найа, «острая сила» может быть отнесена к арсеналу «жестких» методов на том основании, что она, хотя и не основана на материальных ресурсах, все же имеет принудительную направленность.

Концепт «острой силы» уже достаточно активно используется исследователями и журналистами из разных стран, хотя основной объем сообщений и аналитики по проблеме «острой силы» все же исходит от США или от институтов и учреждений, спонсируемых американскими организациями. Например, венгерский исследовательский институт Political

Capital при участии Национального фонда в поддержку демократии реализовал проект по изучению применения Россией инструментов «мягкой» и «острой» силы в Чехии, Словакии и Венгрии, создав тематический веб-сайт [15].

Многие исследователи нового феномена обращают внимание на отдельные аспекты применения «острой силы», концентрируясь преимущественно на анализе действий КНР и Российской Федерации. Например, Ким Тэ Хван из Корейской национальной дипломатической академии сравнивает практику использования «острой силы» Китаем и Россией [16]. Начиная со сравнения транслируемых метанарративов, объединенных противодействием западному либерализму и схожими воззрениями на современную геополитическую ситуацию, автор также анализирует используемые средства в таких сферах, как СМИ, культура и политика. При этом он отмечает относительно слабую институционализацию российского влияния в культурной сфере и отсутствие такого серьезного ресурса влияния, как диаспора за рубежом.

Обсуждение термина происходит также в российском и китайском информационных пространствах. Представители КНР уже неоднократно выступали с заявлениями о дискриминационном и предвзятом характере концепта, возвращающего стороны к риторике времен холодной войны [17]. Российские эксперты часто оценивают концепт «острой силы» сходным образом: как попытку дискредитировать действия России на международной арене, в частности, в сфере культурно-информационного сотрудничества [18].

Действительно, если пытаться разграничить «мягкую» и «острую» силу на основании того, что первая основана на истине и открытости, а вторая – на обмане и селективной подаче информации, то при подобной оценке возникает серьезная проблема объективности. Выявление попыток направлять дискуссии по отдельным вопросам в определенное русло, разоблачение непрозрачных и сомнительных средств воздействия на публичную повестку и участвующие в ее формировании институты и структуры не всегда является простой задачей. В действительности появляется риск использования упрощенного подхода, в рамках которого вся информация, исходящая от автократий и связанных с ними источников, в том числе в рамках публичной дипломатии, воспринимается как заведомо искаженная в силу того, что появление объективной информации в неконкурентной информационной среде, контролируемой государством, представляется априори невозможным. В этой ситуации призыв Дж. Ная не блокировать предпринимаемые в рамках политики «мягкой силы» инициативы на том основании, что автократии часто скатываются к использованию манипулятивных тактик,

может остаться не услышанным. Таким образом, активное использование концепта «острой силы» создает еще одну разделительную линию, способствуя обострению информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yukaruç U. A Critical Approach to Soft Power / U. Yukaruç // Journal of Bitlis Eren University. Institute of Social Sciences. – Volume 6, Number 2, December 2017. – P. 491–502.
2. Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 14–20.
3. Леонова О. Г. Sharp Power – новая технология в глобальном мире / О. Г. Леонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 2. – С. 21–28.
4. December 2017 report by the National Endowment for Democracy's International Forum for Democratic Studies // Journal of Democracy. – Volume 29, Number 1, January 2018. – P. 180–184. – URL: <https://muse.jhu.edu/article/683648>
5. Walker Ch. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence / Ch. Walker, J. Ludwig // Foreign Affairs. – November 16, 2017. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power>
6. Walker Ch. What is «Sharp Power»? / Ch. Walker // Journal of Democracy. – Volume 29, Number 3, July 2018. – P. 9–23.
7. Dobbins J. History Ended in 1945 Undoing the post-war order could produce global depressions and frequent wars / J. Dobbins // Wall Street Journal. – Dec. 9, 2018. – URL: <https://www.wsj.com/articles/history-ended-in-1945-1544396463>
8. Nye Joseph S. Jr. How to Deal with a Declining Russia / S. Jr. Nye Joseph // Project-syndicate. – Nov. 5, 2019. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/dealing-with-danger-of-declining-russia-by-joseph-s-nye-2019-11?>
9. Walker Ch. The Authoritarian Threat: The Hijacking of Soft Power / Ch. Walker // Journal of Democracy. – Volume 27, Issue 1, January 2016. – P. 49–63.
10. Diamond L. Facing Up to the Democratic Recession / L. Diamond // Journal of Democracy. – Volume 26, Number 1, January 2015. – P. 141–155.
11. Levitsky S. Competitive authoritarianism: hybrid regimes after the Cold War / S. Levitsky, L. Way. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 536 p.
12. Инглхарт П. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / П. Инглхарт // Полис (Политические исследования). – 1997. – № 4, 5. – С. 6–32.
13. Nye Joseph S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence / Joseph S. Jr. Nye // Foreign Affairs. – January 24, 2018. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/>

articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power

14. Nye Joseph S. Jr: China's Soft and Sharp Power / Joseph S. Jr. Nye // Project-syndicate. – Jan. 4, 2018. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01?>

15. Russian sharp power in CEE. – URL: https://www.politicalcapital.hu/russian_sharp_power_in_cee/index.php

16. Kim Taehwan Authoritarian Sharp Power : Comparing China and Russia // The Asan Forum. – June 18, 2018. – URL: <http://www.theasanforum.org/authoritarian-sharp-power-comparing-china-and-russia/>

Воронежский государственный технический университет

Волкова Е. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

E-mail: volkne@bk.ru

Лукина Л. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода

E-mail: luk@mail.ru

Воронежский государственный университет

Лаптева Ю. И., кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и мировой политики

E-mail: lapteva@ir.vsu.ru

17. Мультирование «острой силы» по существу является новой версией «китайской угрозы» // Новости. Рамблер.ру. – URL: https://news.rambler.ru/asia/39276125/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

18. Щербина А. Страшна ли нам «острая сила»? Эксперты обсудили, что и как угрожает российской государственности / А. Щербина // Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. – 2018. – 21 нояб. – URL: http://www.stoletie.ru/politika/strashna_li_nam_ostraja_sila_270.htm

Voronezh State Technical University

Volkova E. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

E-mail: volkne@bk.ru

Lukina L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation Technology

E-mail: luk@mail.ru

Voronezh State University

Lapteva Yu. I., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and World Politics

E-mail: lapteva@ir.vsu.ru